

А. Д. Копытко

***Археологическое изучение средневековья Украины
в работах С.В. Шеломенцева-Терского***

В статье-рецензии рассмотрены методологические и методические аспекты монографий и учебных пособий профессора Национального университета «Львовская Политехника», доктора исторических наук Терского С.В., посвященных проблемам формирования и современного развития археологической науки в Украине, изучающей отечественное средневековье. Проанализированы, в частности, ключевые моменты видения автором истории формирования крупных древнерусских городов Вольни, методологические и методические вопросы их археологического и историко-краеведческого изучения, которые в значительной мере послужили основанием для создания учебного пособия «Археология Украины» (средневековая эпоха)».

Ключевые слова: археология, археологические источники, историческое краеведение, материальная культура, средневековье, средневековый город, Украина, учебное пособие, Галиция, Вольнь.

Достижения археологии составляют органическую часть процесса раскрытия тайн истории, где другие источники не позволяют получить более полной картины развития общества, его материальной и духовной жизни. Не исключение и средневековье Украины. Об этом небезосновательно подчеркнул во введении к учебному пособию «Археология України (середньовічна доба)» известный украинский исследователь, доктор исторических наук, профессор Львовской Политехники С. В. Шеломенцев-Терский: «Именно археологические источники, которые постоянно пополняются вследствие регулярной работы археологических экспедиций, представляют возможность уточнить и сделать более понятными данные письменных источников, содержащих довольно ограниченную информацию о событиях в Украине фактически до окончания средневековой эпохи» (Терський 2017:6).

Систематическое изложение результатов многолетних исследований археологических памятников разными поколениями археологов, знакомство читателя с методологией и методикой их изучения делает общество более восприимчивым к проблеме бережного отношения к памятникам истории в целом и углубленного изучения их в частности. Создание качественных учебников и пособий, где системно и более-менее всеохватывающе изложены достижения археологической науки, является важным условием решения задач подобного рода.

Основанием для написания качественных пособий и учебников по археологии средневековья Украины выступают монографические исследования тех или иных проблем и сфер поисков археологии. В этом отношении С. В. Шеломенцев-Терский за последние 30 лет сделал много как в практическом (непосредственно исследуя памятники материальной культуры Волыни и Прикарпатья периодов средневековья и эпохи Возрождения), так и в теоретическом отношении (разрабатывая понятийно-категориальный аппарат, концептуальное видение эволюции материальной и духовной культуры населения указанных регионов, их социально-экономического и политического развития). Здесь хотелось бы упомянуть, в частности, его монографии: 1) «Пересопниця. Краєзнавчий нарис». Рівне: Азалія, 2003; 2) «Лучеськ Х-ХV ст.» Львів: Видавництво Національного університету «Львівська Політехніка», 2006; 3) «Княже місто Володимир». Львів: Видавництво Національного університету «Львівська Політехніка», 2010; 4) «Історія археологічних досліджень та історичного краєзнавства Волині». Львів: Видавництво Національного університету «Львівська Політехніка», 2010. О некоторых из них мы более подробно поговорим в предлагаемой вниманию читателя статье.

В упоминаемом выше пособии отражены результаты новых археологических исследований памятников средневековой эпохи в Украине, в том числе и полученные многолетними усилиями автора. Примечательно, что исследователь наряду с традиционными для археологического

изучения в Украине регионов Среднего Поднепровья, Восточного Прикарпатья и Волыни много внимания уделяет в формате отдельных глав памятникам материальной культуры неславянского населения, что позволяет создать более целостную картину развития разных этнических и социальных групп.

Еще одной чертой этого пособия, выгодно отличающего его от других изданий, выступает системное изложение достижений исследователей в изучении украинских этнических земель, находящихся ныне в составе соседних с Украиной государств.

Общие методологические и методические проблемы археологической науки вообще и ее ответвления, специально исследующего проблемы материальной культуры средневековья в частности, нашедшие отображение в вводной теме пособия (Терський 2017: 9-26), позволяют читателю лучше понять существо и задания исследований этой науки, уразуметь специфику археологических источников и их значение в раскрытии тайн истории. Исследователь справедливо подчеркивает неосновательность попыток противопоставления археологии и исторической науки. Напротив, археология выступает органической составляющей последней и тесно связана со многими ее подразделениями (нумизматикой, сфрагистикой, эпиграфикой, этнографией и т.д.), иными науками (экологией, демографией, генетикой, лингвистикой, физической антропологией), в сотрудничестве с которыми способна успешно решать свои задачи. С. В. Шеломенцев-Терский определяет существо археологии «как науки комплексной и бесконечно перспективной, которая постоянно наращивает свой потенциал в источниках не только количественно, но и качественно, открывая все новую и новую информацию» (Терський 2017: 17).

Профессиональное изучение памятников и артефактов материальной культуры далекого прошлого, подчеркивает автор, выступает существенным условием их сохранения для будущих поколений. Не секрет, что как в мире, так и в Украине существует так называемая «черная» археология,

приносящая огромный ущерб национальному историческому достоянию той или иной страны или региона. «Произведенные непрофессионально раскопки поселения или кургана приводят к непоправимому их разрушению» (Терський 2017: 12). Особенно это актуально при изучении культурных слоев поселений, существовавших несколько столетий, где нужны тонкое понимание закономерностей их формирования и точная фиксация всех найденных материалов. Исследователь обращается к будущим археологам, музеоведам и специалистам по охране памятников истории, подчеркивая необходимость во время раскопок «точно фиксировать обстоятельства находки» вещественных материалов, установления состава культурного шара во всех частях раскопа поселений, курганов, сооружений, хозяйственных ям и т.д.

Автор дает характеристику классических и современных методов поиска археологических памятников. К современным он, в частности, относит авиа- и геомагнитные разведки, электроразведку, химический анализ почвы, металлодетекция, которые используются для выявления поселений, разрушенных оборонительных сооружений, распаханых курганов, скрытых под землей остатков ирригационных каналов, древних дорог, гончарных печей, домниц, домов, хозяйственных ям, металлических предметов, а также позволяют устанавливать приблизительные размеры поселений (Терський 2017: 14-15). В пособии специально также уделяется внимание проблеме использования методов естественных наук в археологических исследованиях и построения с их помощью относительной и абсолютной хронологии, состава и технологии создания исследуемых памятников и вещественных артефактов (Терський 2017: 15-17).

Дополняет общую характеристику археологии как науки анализ процесса формирования археологии, изучающей отечественное средневековье (Терський 2017: 17-24). Проанализированы существенные итоги археологических исследований в разных регионах Украины на протяжении

XVII – начала XXI вв., а также процесс институционализации средневековой археологии, изучающей археологические памятники в Украине. Значителен личный вклад автора пособия в изучении средневековых памятников в составе Волынской археологической экспедиции, что нашло отражение во многих научных и научно-популярных статьях, материалах разведок, монографиях.

Значительные практические результаты, полученные С. В. Шеломенцевым-Терским и другими исследователями-археологами средневековья Украины легли в основу обобщающей работы С. В. Шеломенцева-Терского «Археологія доби Галицько-Волинської держави» (Терський 2014) и указанного пособия «Археологія України (середньовічна доба)» (Терський 2017). В упомянутых работах достижения археологии рассматриваются в неразрывной связи с развитием музееведения и охраны памятников истории и культуры, потому что важны не только сами по себе качественные археологические исследования памятников прошлого, но и введение их в контекст отечественной культуры и истории, обеспечивая также знакомство с ними как граждан Украины, так и представителей мирового сообщества.

Конкретизация этого вопроса приобрела всестороннее рассмотрение в работе «Історія археологічних досліджень та історичного краєзнавства Волині» (Терський 2010а), в которой исследователь специально изучает проблему формирования археологических и историко-краеведческих знаний об одном из интереснейших для археологии и исторической науки регионов Украины – Волыни. Автор выделил такие основные этапы в этом процессе: 1) от эпохи позднего средневековья к концу Первой мировой войны; 2) 1919-1945 гг.; 3) 1946-1991 гг.; 4) 1991-2008 гг. В этом труде также представлены биографические очерки об известных исследователях Украины, Польши, России (археологах, историках, этнографах, краеведах, музееведах, искусствоведах, архивистах, этнологах) – представителей каждого из выделенных периодов (Терський 2010а: 161-256). Автор

небезосновательно отметил необходимость разработки истории археологических исследований отдельных регионов Украины, для того чтобы в последующем на их основании создать качественные обобщающие работы по истории археологии Украины в целом (Терський 2010а: 5). Такого же внимания заслуживает и органически связанное с археологией историческое краеведение в Украине, богатое своими традициями. Своей работой С. В. Шеломенцев-Терский продемонстрировал возможные пути ликвидации подобных пробелов в изучении истории археологии и исторического краеведения отдельных регионов на примере хорошо знакомой ему как исследователю Волыни. В рассматриваемом труде отображены также очень важные для сохранения исторического прошлого региона вопросы охраны памятников истории и их музеефикации на всем протяжении археологического и исторического изучения Волыни. Автор отметил, в частности, факты грубых нарушений в этом процессе уже в период существования независимого Украинского государства (отсутствие профессионального учета музейных экспонатов и вследствие этого их расхищение, недостаток хорошо подготовленных специалистов, мизерное финансирование археологических исследований, любительский подход к археологическому изучению артефактов и их сохранения в музеях со стороны отдельных краеведов и музейных работников, грубое вмешательство чиновников в работу ученых), которые ведут к упадку профессионализма в изучении и сохранении материальных памятников прошлого Волыни в современной Украине, упадку престижа региона как важного туристического объекта (Терський 2010а: 154-156).

В пособии «Археологія України (середньовічна доба)» представлены результаты многолетних археологических исследований памятников славянских в своем основании культур (пражской, пеньковской, райковецкой, волынцевской, роменской) представителями разных стран (Украины, России, Польши, Чехии, Румынии, Венгрии) (Терський 2017: 27-46). Автор проанализировал историю изучения и особенности

славянских поселений и укрепленных пунктов (топография, устройство жилищ и хозяйственных строений, клады ценных вещей), сельскохозяйственной и ремесленной деятельности их населения, социальной и духовной жизни носителей упомянутых культур, ареал их распространения. По наблюдению С. В. Шеломенцева-Терского, «истощение полей, которые располагались вблизи поселений и берегов рек, могло послужить одной из причин, подтолкнувших славянскую колонизацию, охватившую в VI-VII в. Центральную и Восточную Европу» (Терский 2017: 31). В пособии анализируются хозяйственные и культурные взаимосвязи и взаимовлияния между славянскими археологическими культурами, между ними и тюркским населением Степи, а также жителями провинций Восточной Римской империи (Византии) и Болгарского государства.

Подчеркнута значительная, нередко доминирующая роль животноводства в хозяйственной жизни славянского населения (например, райковецкой культуры между Днестром и Карпатами в VIII-X вв.), что благодаря достижениям археологии позволяет пересмотреть многие традиционные представления о нем как преимущественно земледельческого (Терский 2017: 41).

Прослежены изменения, имевшие место в хозяйственной, социальной, политической и культурной жизни населения (в частности, духовной), – носителей черт ранних (IV-VII вв.) и зрелых славянских (VIII-X вв.) культур, в его знаниях о технике и технологиях разных ремесел. Например, гнездовой характер размещения селений VIII-X вв. и их довольно значительные размеры (некоторые – больше десяти гектаров) интерпретируется как свидетельство существования в этот период у славянских соседских земледельческих общин больших семей с существованием в городищах общинных центров (Терский 2017: 38, 40). Отображены этнокультурные отличия между населением райковецкой культуры (древляне, воляняне, уличи, тиверцы), распространенной на Правобережной Украине и носителями волынцевской и

роменской культуре на Левобережье Украины (летописные северяне).

С. В. Шеломенцев-Терский прекрасно проиллюстрировал значение археологических источников для изучения верований и их влияния на разные сферы жизни древних славян (Терський 2017: 46-49). Читатель может узнать о значении обрядов и ритуалов религиозного характера славян в их семейной и общественной жизни, в отношении к пленным, природной среде обитания, формировании способов захоронений умерших общинников и сохранении памяти о них, защиты от влияния злых сил и духов.

Данные письменных источников постоянно сопоставляются с археологическими и нумизматическими, их географией и топографией распространения, что позволяет автору делать более целостные обобщения относительно закономерностей и тенденций исторического процесса развития славянского населения, его материальной и духовной культуры на протяжении большей части I тыс.н.э.

К этой проблеме частично исследователь также обращается в работах, посвященных истории и археологическим исследованиям городов Волыни: Пересопницы, Олыки, Владимира, Луцка. Так, в труде «Пересопниця» он представил свое видение развития поселенческих структур и сопутствующих им курганных могильников I тыс. н.э., из которых позднее (X-XI вв.) начал формироваться древний волынский город Пересопница (Терський 2003: 25-27, 35-36).

Не обошел вниманием исследователь проблемы археологического изучения раннесредневековых памятников юга Украины, которым и посвящена целая глава в пособии. В ней проанализированы археологические памятники Северного Причерноморья: 1) кочевого населения (аваров, болгар, венгров, печенегов); 2) населения земель, входивших в состав византийских владений. В работе подчеркнута роль гуннов (хунну) как первых коммуникаторов между основными цивилизационными центрами Евразии, ареалом распространения этой коммуникации «был широкий пояс

Евразийских степей, который охватывал также и весь юг современной Украины» (Терський 2017: 52). Выделены общие черты материальной культуры кочевников степей Северного Причерноморья в период Великого переселения народов V-VII вв. Много внимания уделено особенностям погребальных традиций кочевых племен, населяющих Северное Причерноморье в IV-X вв.: типы захоронений, погребальный инвентарь, внешний вид могил, их связь с культурой как этих племен, так и внешних культурных влияний (например, сасанидского Ирана, Византии).

Целый параграф пособия посвящен салтово-маяцкой культуре (середина VIII-X вв.), носителем которой были хазары – создатели большого за территорией государства под названием Хазарский каганат, а также другие этнические группы, населявшие его территорию (аланы, болгары, венгры) (Терський 2017: 61-67). Автор анализирует материальную культуру и хозяйство населения Хазарского каганата в неразрывной связи с политической и культурной жизнью региона между Дунаем и Волгой, Северским Донцом и Кавказом, что позволяет более целостно понять историческую роль хазар и их политического образования.

Своей спецификой по сравнению с кочевниками Северного Причерноморья отличалась материальная и духовная культура населения Крымского полуострова в VI-X вв., в формировании которой существенным было влияние византийского, болгарского и хазарского присутствия. Рельефно представлена взаимосвязь природно-климатических, социально-экономических, социально-политических условий для развития материальной и духовной культуры населения разных частей территории Крыма (Терський 2017: 67-68).

Формирование Киевского государства в конце IX-X вв. С. В. Шеломенцев-Терский объясняет действием как внешних причин (связи восточных славян с Византийской империей и Хазарским каганатом), так и внутренних факторов (распространение плужного земледелия, обособление ремесла в самостоятельную сферу производства, возникновение

элитарных прослоек общества, прежде всего военных дружин) (Терський 2017: 71).

Нам кажется, что к этому надо присовокупить еще очень важный момент: постепенное изменение мировоззрения древних славян от мифологического к религиозному, где впервые появляется личность, выделившая себя из состава своего рода и окружающей естественной среды обитания, которой присущи уже морально-этические и социально-политические взгляды, отличающие ее от мифологического человека с его синкретизмом и универсализмом в видении себя и мира. В частности, это отражено в трансформации религиозных представлений славян от мира духов к созданию развитой религиозной системы с собственными пантеонами богов и культов в IX-X вв., что и послужило в последующем хорошим основанием для восприятия более сложных вероисповедных систем, например, христианства и ислама.

Автор анализирует интересный критерий для картографирования территории расселения древнеславянских племен, впоследствии ставших этническим основанием для формирования украинского народа, – состав сопутствующего инвентаря женских захоронений, который имеет отличительную специфику в том или ином племенном обществе (Терський 2017: 72-73). В пособии приведены факты, свидетельствующие об усложнении разных сфер жизни населения: 1) появление сложных оборонительных сооружений; 2) интенсификация торговых и ремесленных связей между разными регионами и племенными мирами; 3) впервые монеты начинают широко использоваться как для обмена, так и накопления драгоценных металлов, используемых в ремеслах и торговле, служащих критерием богатства отдельных социальных групп населения.

С. В. Шеломенцев-Терский связывает миграцию уличей во второй четверти X в. из Поднепровья и бассейна р. Тясмин в восточное Подолье с централизацией Киевского государства. Такая миграция породила новую славянскую поселенческую структуру в бассейне Южного Буга и Днестра (Терський 2017: 75). Автор подчеркивает значение

негативного влияния человека на природную среду обитания вследствие экстенсивного способа ведения хозяйства на примере уличей, уничтоживших леса в Восточном Подолье, сделал их тем самым беззащитными перед кочевниками-половцами.

О присутствии варягов в дружине киевского князя, по убеждению С.В. Шеломенцева-Терского, свидетельствуют находки предметов вооружения из Листвинского городища на Волыни, для которых характерны черты материальной культуры балтийского региона (острие копья с крылообразными фиксаторами и наконечник ножен меча). Именно отсюда и могло начаться формирование княжеской власти в племенном мире волян (Терский 2017: 77).

Противостоянием с кочевниками (венграми и печенегами) объясняется появление в IX-X вв. в Восточном Прикарпатье и Юго-Восточной Волыни насыщенной системы городищ с многочисленным дружинным населением (Терский 2017: 77).

Нам такой подход кажется несколько упрощенным. Нельзя забывать и о межплеменной вражде, попытках одних племен захватить земли и имущество соседей. Вспомним, например, о агрессивных древлянах, упоминаемых в летописи, беспокоивших соседние племена постоянными военными конфликтами и грабежами, противостоящих даже киевским князьям. Именно она и могла быть одним из доминирующих факторов распространения городищ в большом количестве в соседстве с формированием власти местных племенных княжений. К последним можно отнести специфическую для Восточного Прикарпатья полисную модель укреплений восточных (белых) хорватов (городища в Плеснеске, Стыльско), занимающих огромные площади (соответственно 350 га и 250 га). В работе аргументированно отмечена роль некоторых племенных укреплений, использовавшихся в дальнейшем великокняжеской властью вследствие присоединения Прикарпатья в состав Киевского государства.

Природная среда была важным фактором, обуславливающим особенности постройки городищ и их использования. Об этом хорошо свидетельствует конструкция

укреплений городищ Прикарпатья и Волыни IX-XI в. (Терський 2017: 76-78).

Именно археология позволила открыть многие аспекты централизации Киевского государства в X – начале XI вв. и его борьбы с племенными княжениями, нередко носившая насильственный характер (например, история борьбы с древлянами, уличами, белыми хорватами). Об этом читатель узнает из указанной работы (Терський 2017: 79-80). Это и факты сожжения городищ и поселений и появление множества кладов с украшениями и монетами, современных этим событиям и сформировавшихся в землях древлян, волынян, уличей, северян, белых хорватов, куда была направлена агрессивная политика киевских князей.

На примере Восточного Прикарпатья и Волыни произведен сравнительный анализ укрепленных в племенной и княжеский периоды, обозначена специфика их формирования в этих регионах (на Волыни – преимущественно в новых центрах, связанных с новыми транзитными путями, в Прикарпатье – на основании укрепленных племенной эпохи) (Терський 2017: 80).

Этому предшествовала огромная практическая и теоретическая работа автора над этой проблемой, которая нашла отражение в ряде его трудов. Так, в работах «Пересопниця», «Княже місто Володимир», «Лучеськ X-XV ст.» ученый дает основательную характеристику укрепленных и оборонительной системы раннесредневековых городов Волыни (детинцев, окольных городов, предместий), истории и условий (природно-географических и социально-культурных) их формирования. Исследуются вопросы их территориального распространения, топографии и стратиграфии отдельных памятников. При этом берутся во внимание не только археологические, но и другие виды исторических источников, что позволяет создать более целостную картину процесса становления и развития оборонительного искусства Волыни эпохи раннего и развитого средневековья (Терський 2003: 26-31; Терський 2006: 32-44, 65-73; Терський 2010b: 59-78).

Сделан вывод о преимущественно мирном освоении Волыни великокняжеской властью в отличие от Восточного Прикарпатья. Окончательное политико-административное освоение новых территорий киевской властью, согласно С. В. Шеломенцеву-Терскому, имело место в 30-х гг. XI в. и сопровождалось исчезновением местных племенных культур как на правом берегу, так и левобережье Днестра. Однако это никак, как аргументированно резюмирует автор, не свидетельствует об окончательном преодолении местного автономизма. Его возрождение сопровождается возникновением новых военно-политических конфликтов с великокняжеской властью во второй половине XI – начале XII вв., что хорошо иллюстрируется письменными и археологическими источниками относительно Волыни и Прикарпатья (Терський 2017: 81). Это дало кардинально противоположные результаты: Волынь еще более была привязана к Киеву, а Прикарпатье получило значительную автономию от великого князя киевского, имея местную династию Ростиславичей и многочисленное местное боярство. Историческую канву этого процесса автор раскрывает также в работах «Княже місто Володимир» (параграф «История города X-XV вв. в летописях и документах») (Терський 2010b: 31-45), «Лучеськ X-XV ст.» (параграф «История города за летописями и источниками») (Терський 2006:17-23), «Пересопниця» (параграф «Пересопниця X-XV вв. за письменними источниками») (Терський 2003:19-22).

Автор работы «Археологія України (середньовічна доба)» увязывает постепенное уменьшение размеров славянских поселений с социальными процессами, имеющими место в местных обществах: 1) разложение больших семей; 2) индивидуализация сельского хозяйства; 3) освоение под поселенческие структуры более сложных для обработки земель (Терський 2017: 83).

Существенное значение археологии в открытии такой загадочной страницы истории Киевского государства как формирование дружинной среды в IX-XII вв., весьма слабо представленной в письменных источниках, показано на

многочисленных примерах. Это и захоронения, их богатый вещевой набор, изменение социального и этнического состава дружин, атрибутивные вещи младших и старших дружинников, дружинные лагеря – «грады» и сопровождающие их дружинные погребальные комплексы (Терський 2017: 83-89). Автор делает вывод об упорядочении военной службы скандинавов в Киевской Руси в X-XI вв. (преимущественно охрана границ и служба в крепостях), которая не очень была по душе им (обычно они промышляли грабежами), что вело здесь к сокращению их количественного присутствия, пополнения состава дружин за счет кочевников и славянской знати (Терський 2017: 85).

В разделе работы «Археология княжеской эпохи. Социально-экономическое и культурное развитие украинских земель в X-XIV вв.» на основании анализа и обобщения значительного археологического материала высветлены такие моменты жизнедеятельности общества и функционирования государства как: 1) основные типы недвижимых археологических памятников; 2) строительство и быт; 3) сельское хозяйство, промыслы и транспорт; 4) ремесло и торговые связи; 5) культура и международные связи; 6) общественные сословия (Терський 2017: 92-125). При характеристике разных типов поселений в Киевской Руси С. В. Шеломенцев-Терский справедливо замечает, что их разнообразие обусловлено сложной структурой феодального общества (Терський 2017: 92). Автор анализирует также различные типы городищ, характеризую их топографию, формы, структуру, материал изготовления оборонительных сооружений, связанных с конкретными природно-географическими условиями и назначением (феодальные замки, убежища для населения, сторожевые заставы). В работе представлена и взаимосвязь конкретных типов сельских и ремесленных селений с их хозяйственным назначением и соответствующей социальной структурой, социально-правовым статусом населения (Терський 2017: 94-95). Существенной иллюстрацией этого вопроса могут также служить уже упоминаемые работы исследователя,

посвященные древним городам Волыни: Пересопницы, Луцка, Владимира (Терський 2003: 43-68; Терський 2006: 104-199; Терський 2010b: 118-229).

Характеристика строительной техники в поселениях Киевской Руси сопровождается схематическим изображением реконструкций различных типов жилищных и хозяйственных сооружений, а также монументальной и деревянной культовой архитектуры галицко-волыньских земель, проведенных отечественными исследователями (В. Петрашенко, П. Толочко, В. Коваленко, В. Петрик, Ю. Лукомский, Ю. Дыба, И. Могитич и др.). При характеристике полужемлянок автор отмечает, что они функционировали не более 20 лет и были рассчитаны на нужды одного поколения (5-6 представителей индивидуальной семьи) (Терський 2017: 99). Это свидетельствует о постепенном отмирании института большой семьи в Киевской Руси и процессе замены ее небольшими семьями. С. В. Шеломенцев-Терский отметил существенные тенденции в изменении технологий и характер культурных взаимовлияний в процессе формирования монументальной каменной и деревянной архитектуры (храмы, дворцы, помещения для бань, башни-донжоны) XI-XIV вв. в городах Волыни и Прикарпатья. Более детальному анализу этого вопроса автор специально уделил внимание в своих работах, посвященных проблемам археологического и исторического исследования крупных городов Волыни: Владимира, Луцка, Пересопницы (Терський 2010b: 118-156; Терський 2006: 104-128; Терський 2003: 43-47). В указанных трудах исследуются общие и специфические вопросы формирования храмовой архитектуры, строительства жилищ и хозяйственных сооружений в городах и их сельской округе.

Именно археологические исследования во Владимире, Галиче, Луцке позволили открыть неизвестный ранее в архитектуре Украины тип общественных сооружений – «хата в хате»: одно- или двухэтажный дворец поверх хозяйственной клетки каркасно-столбовой конструкции с галереей вокруг (Терський 2017: 102-103).

Археологические исследования создали возможность установить ряд важных аграрных районов Волыни и Прикарпатья (в округах Владимира, Луцка, Пересопницы, Звенигорода). Результаты их и нашли соответствующее отображение в пособии, позволив реконструировать сельскохозяйственную деятельность жителей сел и городов, ее техническое и технологическое обеспечение (Терський 2017: 104-105). Этот вопрос специально освещен в ряде монографических исследований С.В. Шеломенцева-Терского. Так, в труде «Лучеськ Х-ХV ст.» он подчеркивает неразрывную связь жизни волыньских городов с сельскохозяйственным производством. Сам Луцк возник, например, в «районе наиболее интенсивного земледелия на Волыни», с благоприятствующими климатическими и геоморфологическими условиями для развития сельского хозяйства (Терський 2006: 129). В этой и других работах автор анализирует на основании археологических источников ассортимент используемых сельскохозяйственных ремесленных изделий, сельскохозяйственной продукции, выращиваемой жителями городов и их сельскохозяйственной округи, а также состояние промыслов, органически связанных с развитием сельского хозяйства (Терський 2006: 129-132; Терський 2010b: 157-158; Терський 2003: 47-48).

Интересным в этом отношении является открытие во Владимире в урочище Апостольщина комплекса сооружений зернового склада (гумнища), включающего в себя дворец-резиденцию боярина-гуменника, избу мельника, около восьми зернохранилищ, использовавшееся в XIV в.

Общее потепление климата, возрастание уровня влажности, наблюдающееся с конца IX в., позволило в последующий период выращивать жителям сел и городов значительный ассортимент сельскохозяйственных культур, о котором и упоминает в пособии С. В. Шеломенцев-Терский: пшеница, рожь, ячмень, овес, просо, гречиха, горох, бобы, лён, конопля. Охота утратила свое важное значение для хозяйства в XII-XIII вв., но в тоже время существенно возрастает роль животноводства и разведения домашней птицы (Терський

2017: 105). Характеризуя транспорт в период XI-XIV вв., автор указывает на значительную роль водного транспорта в жизни и экономике городов, с целью расширения использования которого создавались специальные водные каналы.

Исследование гончарного ремесла позволяет проследить не только технологические и технические его аспекты, но и представить более полно развитие рынка ремесленной продукции, социальную и этническую структуру населения поселений, в том числе городов, региональные особенности материальной и ремесленной культуры. Например, как показывает С. В. Шеломенцев-Терский, появление серой глиняной посуды во второй половине XIII-XIV вв. синхронно с немецкой колонизацией в городах Волыни и Прикарпатья (Терский 2017: 107). В работе анализируются также достижения других важных для жизни населения ремесел: плавка железа и кузнечное дело, изготовление оружия, отделка камня, шифера, горного хрусталя, кости и рога, отделка кож, ювелирное, литейное и т.д. (Терский 2017: 108-111).

В труде «Луческ X-XV ст.» С. В. Шеломенцев-Терский представил результаты своих наблюдений над керамическими комплексами одноименного древнерусского города. Он, в частности, делает вывод о полной замене здесь лепной посуды гончарной уже в конце IX – в начале X в. (Терский 2006: 135). Исследователь выделил 14 хронологических групп гончарной посуды на памятниках Луцка. (Терский 2006: 136, рис. 116), проследив эволюцию его форм и элементов. С. В. Шеломенцев-Терский связывает расширение моделирования форм посуды с применением быстроротационного гончарного круга с середины XIV в. (Терский 2006: 135). Качество изготовления керамической посуды, бывшей в употреблении лучан, существенно возрастает в со второй половины XII – первой половины XIII вв. (Терский 2006: 135, 141). В XIII вв. в Луцке распространяется изготовление сковород с пустотелыми ручками, сходных с изделиями, распространенными в то же

время в городах Польши, но, по наблюдениям исследователя, изготовленных в этом волынском городе по местным технологиям, независимо от западнославянских традиций гончарства (Терський 2006: 141). Лишь с XIV в. заметным стало влияние традиций стран Центральной Европы на гончарное производство Луцка, причем это было позже, чем в городах региона Западного Буга (Львов, Владимир), но это никак не свидетельствует об упадке местных керамических технологических традиций древнерусского гончарного ремесла (Терський 2006: 141).

Исследователь специально уделяет внимание топографии гончарных мастерских, из которых происходит добытая археологическими исследованиями продукция. Он сделал вывод об их изготовлении в специализированных мастерских, размещенных в ближней городской округе Луцка, где есть много залежей хорошей гончарной глины (Терський 2006: 141). По такому же принципу функционировали гончарные мастерские другого большого города средневековой Волыни – Владимира (Терський 2010b: 159).

Сосуществование в Луцке в XIV – в начале XV вв. разных по качеству групп керамики автор связывает с их предназначением в структуре экспорта: лучшие по качеству прежде всего были ориентированы на продажу и отвечали европейским стандартам, остальные употреблялись для внутренних нужд (Терський 2006: 151).

В Луцке было развито производство и других керамических изделий, в том числе поливных плиток (с XII-XIII вв.) и изразцов (XIV в.), детских игрушек. Вывод об этом автор сделал на основании анализа форм и фактуры изделий, которые имеют непосредственные соответствия в средневековом ремесле Волыни (Терський 2006 : 151-152).

С. В. Шеломенцев-Терский находит много общих черт для керамического производства стольного города Волыни Владимира X-XI в. с другими территориями Волыни. В работе «Княже місто Володимир» он представил свое видение эволюции разных типов продукции гончарного производства (горшки, миски, сковороды, тарная и декоративная посуда,

поливная посуда, светильники) и керамического производства, используемого в строительном деле (плинфа, керамическая плитка для полов) в этом городе X-XVII вв. (Терський 2010b: 159-180). Автор отмечает появление тарной посуды местного производства (корчаг) во Владимире с XI в., а с середины XIII в. – широкое употребление в быте зажиточных горожан кувшинов. Исследователь изучает особенности развития гончарного ремесла во Владимире, сравнивая его технологические приемы с достижениями ремесленников других городов Воыни: Луцка, Пересопниці, Дорогобужа. Он связывает также расширение ассортимента гончарной продукции и обогащение технологических приемов его изготовления во Владимире с международными связями города (Терський 2010b: 163, 177).

Уделяет внимание проблемам развития гончарного ремесла Воыни исследователь в еще одной своей работе, «Пересопниця» (Терський 2003: 52-55). Он прослеживает развитие типов и форм посуды в древнем городе Воыни – Пересопниці в период X-XV вв., которая имеет много общих черт как с другими городами Воыни, так и других земель как в период существования Киевской Руси, так и следующего за ним периода существования самостоятельных княжеств. Как в этой работе (Терський 2003: 54-55), так и в уже упоминаемой выше работе, посвященной г. Владимиру (Терський 2010b: 179) уделяется внимание такой интересной проблеме как клейма на гончарной посуде.

Ученый исследовал, как уже упоминалось выше, вопрос об эволюции разных типов изделий – продукции местного гончарного ремесла Пересопниці (миски, горшки, кувшины, амфоры, керамические плитки к полам, детские игрушки), отмечая довольно высокий технологический уровень их изготовления (Терський 2003: 52-550). Исследователь подчеркивает в связи с этим такую интересную деталь: «Посуда, изготовленная за примитивной технологией, которая превалирует на синхронных поселениях этого периода, таких как Иванковцы и Городеск, в Пересопниці встречается изредка» (Терський 2003: 55). Он не согласен с тезисом о

доминирующем влиянии традиций гончарного ремесла западнославянских стран на развитие отдельных типов продукции, например, кувшинов, имевших широкое распространение у богатых жителей Пересопницы с середины XIII в. (Терський 2003 : 54).

Как и в других крупных центрах Волыни, исследователь допускает существование в Пересопнице сопутствующих гончарному и керамическому производству ремесел, связанных с изготовлением эмалей, поливы, керамических плиток к полам (Терський 2003: 55).

Развитая система ремесел и сельского хозяйства послужила основанием для интенсивного развития межрегиональной и внешней торговли и соответствующей ей инфраструктуры, а также формирования института профессионального купечества. Значительное внимание в пособии уделено: 1) ассортименту экспорта и импорта; 2) денежному обращению; 3) бронзовым весам, железным и свинцовым гилям; 4) направлению торговых связей (Терський 2017: 112-117). Конкретизацию этого вопроса читатель может получить из монографических работ автора, посвященных истории и археологическим исследованиям городов Волыни: Луцка, Владимира, Пересопницы.

Касательно города Луцка, исследователь связывает его раннее экономическое развитие и связанную с ним внешнюю и внутреннюю торговлю с его географическим размещением на пути «из хозар в немец», связанного с интенсивным развитием торговли товарами из стран Востока. Письменные, археологические и нумизматические источники свидетельствуют о значимости этого пути для Волыни в целом и города Луцка в частности (Терський 2006: 162-163). С. В. Шеломенцев-Терский в своей монографии исследует экономическое значение и другого важного пути – Днестровского, связующего города Волыни с Северным Причерноморьем и Византией (Терський 2006: 163-164), караванного пути из Волыни в Поволжье и страны Средней Азии, пути в Прибалтику по Западному Бугу (Терський 2006: 163). Фактор выгодного географического размещения сыграл

ту же важную роль в развитии другого волынского центра – Владимира (Терский 2010: 187-188).

Автор выделяет два этапа в формировании международных торговых связей Луцка: 1) X-XII вв.; 2) XIII-XV вв. (Терский 2006: 162). Исследователь на основании письменных и археологических источников реконструирует основные направления внешнеэкономических связей, а также структуру экспорта и импорта Луцка, Владимира и Пересопницы в средневековье и в эпоху Возрождения (Терский 2006: 165-170; Терский 2010: 189-198; Терский 2003: 58-61). В городе Пересопнице, по наблюдениям С. В. Шеломенцева-Терского, импортными товарами прежде всего пользовались представителями дружинного сословия как в раннем средневековье, так и в более поздний период, тогда как в других исследуемых автором городах, они потреблялись другими социальными категориями населения (ремесленники, купцы) (Терский 2003: 58-59, 60).

С. В. Шеломенцев-Терский в своей монографии раскрывает разные аспекты посреднической торговли Владимира как между Византией, странами Северного Причерноморья, Востока (Хорезм, Персия, Китай) и городами Ганзейского Союза, Польшей, Фландрией в XIII-XV вв. (Терский 2010: 189-196). Исследователь подчеркивает значимость торговых связей города Луцка с Северной (Псков, Новгород) и Северо-Восточной (Великое княжество Московское) Русью в XIV-XV вв. (Терский 2006: 171).

Отдельного внимания заслуживает вопрос обеспечения торговли в Луцке (использование весовых гривен киевского и новгородского типов, татарских гривен, развитие монетного обеспечения, формирование складов товаров) (Терский 2006: 165, 170) и Владимире (восточные бусинки, раковины-каури, товарные пломбы дорогичинского типа, монетное обеспечение, устройство переправ через водные преграды для купцов) (Терский 2010: 188, 190, 197-198).

Внешнеэкономические связи Луцка и Владимира рассматриваются в неразрывной связи с процессами институционального оформления торговли городов и

становления многонационального состава их населения (Терський 2006: 164-165; Терський 2010: 189-190). С. В. Шеломенцев-Терский аргументированно подчеркнул взаимосвязь между географией распространения отдельных видов предметов – импортов из стран Востока, Византии и Скандинавии с политическими факторами – деятельностью князей и их дружин. Например, в Пересопнице значительное количество таких предметов собрано именно в жилищах дружинников (Терський 2003: 58-59). Использование археологических источников позволило исследователю определить основные направления торговых связей Пересопницы: Киев, Северное Причерноморье, Византия, страны Прибалтики, Золотой Ордой и за ее посредничеством также с Поволжьем и Хорезмом (Терський 2003: 59-61)

Параграф пособия «Археологія України (середньовічна доба)» – «Культура и международные связи» (Терський 2017: 117-122) убедительно свидетельствует о роли археологии в открытии материальных артефактов, говорящих об уровне развития материальной и духовной культуры населения (верования и связанные с ними культы, магия, письменность, медицина, музыкальное искусство, мода в украшениях и одежде, местные традиции и влияния чужих культур). Использован значительный археологический материал в основном из городов Волыни и Восточного Прикарпатья. Хотелось бы, чтобы автор более широко привлекал археологические источники, полученные исследованиями конкретных памятников из других регионов Украины, входивших в Киевское государство, а с XIV в. – в состав Литовско-Русского государства (Среднее Поднепровье и Левобережная Украина). Это бы дало более целостный образ развития украинской культуры и ее связей с иными культурами Запада и Востока. Правоту такой мысли подтверждает следующий параграф – «Общественные сословия в свете археологических источников» (Терський 2017: 122-124), где широко используются для характеристики жизни отдельных средневековых сословий и их социальных прослоек материалы из разных регионов Украины. Но и здесь

основное внимание почему-то уделено только боярско-дружинному сословию, и не отображена более полно и разнопланово жизнь других сословий (духовенства, горожан, общинников-смердов).

Органическим дополнением к вышесказанному может быть рассмотрение автором международных культурных влияний и связей крупных городов Волыни: Луцка (Терський 2006: 195-199) и Владимира (Терський 2010b: 214-218). В частности, рассматриваются вопросы родственных и политических связей местных князей, материальной и духовной жизни коренного славянского населения и других этнических и религиозных групп волынских городов (русских-новгородцев, армян, татар, караимов, немцев, поляков, итальянцев и жителей Крыма), учитывая стратегическое их расположение на важных трансконтинентальных путях, связывающих страны Востока, Византию с Центральной и Северной Европой.

Вопросы развития культуры и международных связей жителей крупных городов Волыни (Луцк, Владимир, Пересопница) нашли соответствующее внимание в упоминаемых неоднократно монографических работах исследователя: (Терський 2006: 183-199), (Терський 2010b: 199-218), (Терський 2003: 61-64). В работе, посвященной Луцку, автор подчеркнул свое видение механизма формирования материальной культуры жителей средневековых украинских городов: «Материальная культура города есть производное от духовной жизни его жителей. В основании ж духовной культуры пребывает мировоззрение» (Терський 2006: 183). Об изменениях в духовных исканиях жителей Волыни, их взаимосвязи с духовной и материальной культурой предыдущего периода свидетельствуют прежде всего изменения в обрядах захоронений умерших. При идентификации важных религиозно-культовых дохристианских и христианских объектов С. В. Шеломенцев-Терский комплексно использует данные археологии, топонимики, этнографии, письменных источников (Терський 2006: 183-187), что позволяет воссоздать более полную

картину религиозных представлений местных жителей, свидетельствует о сосуществовании в XII-XIII вв. дохристианских и христианских традиций во многих аспектах материальной и духовной культуры жителей Волыни, подтверждает тезис религиоведов о наличии так называемого двоеверия в Киевской Руси. Исследователь подробно рассматривает вопрос о влиянии византийской культуры на развитие культуры жителей Волыни, о чем свидетельствуют открытые археологические артефакты (украшения икон, кресты-реликварии), планировка храмов. Значительное внимание уделено также вопросу развития образования и письменности в городах Волыни (Терський 2006: 187-189). С. В. Шеломенцев-Терский подчеркнул большую роль Луцка в развитии книжной письменности, иконописи, скульптуры Волыни в XI-XV вв. (Терський 2006: 189-194). Археология, как убедительно показывает автор, позволяет воссоздать наши представления об играх местных жителей: шахматах, шашках, азартных играх, о распространении их в соответствующих социальных категориях населения. С. В. Шеломенцев-Терский подчеркивает большое влияние восточных традиций на технологии изготовления шахматных фигур, известных из Луцка и других городов Волыни (Терський 2006: 194-195).

Исследователь отвел ведущую роль в формировании общественно-культурной среды в г. Владимире представителям военно-политической элиты, прежде всего княжам боярам и дружинникам (Терський 2010b: 199). Как и в ситуации с Луцком, изучение топонимики, древних преданий, археологических источников дает обильный материал для изучения дохристианских верований местных жителей и пришлого населения, свидетельствует о их действенности еще в XII-XIII вв., несмотря на неуклонное возрастания роли христианства и христианской церкви (Терський 2010b: 199-201). В связи с этим автор делает в работе интересное наблюдение: «Деятельность епископии должна бы благоприятно влиять на темпы христианизации мировоззрения владимирцев. Но постоянный приток в город выходцев из отдаленных лесных краев, где продолжало

господствовать языческое мировоззрение, существенно замедлял этот процесс» (Терський 2010b: 201).

Значительное внимание С. В. Шеломенцев-Терский в работе уделяет вопросам развития грамотности и образования среди городских слоев Владимира, государственного делопроизводства, книжной письменности в нем (Терський 2010b: 202-209). Он справедливо подчеркивает огромное историческое значение для формирования во Владимире мощного культурного центра факта переноса в этот волынский город князем Мстиславом Изяславичем столицы своих владений (Терський 2010b: 204). Эти тенденции только усилились с возникновением мощного Галицко-Волынского княжества, где волынская ветвь Мстиславичей играла доминирующую роль в XIII – начале XIV вв., что содействовало поддержанию соответствующего этому положению статуса г. Владимиром.

Исследователь небезосновательно поддерживает позицию ученых о существовании в этом городе княжеского скриптория, продукция которого была широко известна далеко за пределами Волынской земли и была надежным фундаментом развития книжного дела и в последующие столетия (Терський 2010b: 206, 208-210). Это же надо сказать и о другой значимой стороне развития культурной жизни Владимира – живописи, декоративного искусства, памятники – свидетельства высокого уровня мастерства их создателей (монастырских и светских) сохранились и поныне в музеях Украины (Терський 2010b: 210-213). Именно в волынском Владимире сформировался как художник и церковный политик Петр Ратенский, в будущем первый митрополит московский (Терський 2010b: 216). Высокохудожественные произведения владимирских мастеров были своеобразным творческим переосмыслением чужеземных образцов, имевших распространение на Волыни в целом и Владимире в частности (Терський 2010b: 214).

Правильное восприятие особенностей материальной и духовной культуры жителей Владимира и близлежащей округи, как справедливо подчеркнул в работе исследователь,

невозможно без понимания и знаний о международных связях (политических, религиозных, экономических) города и региона, чему и посвящен отдельный параграф (Терський 2010b: 214-218). Как и в Луцке, здесь было мощным влияние представителей стран Востока (тюрков, армян), Прибалтики и немецких земель, жителей Северного Причерноморья (итальянцев и евреев). Полиэтничность Владимира и других княжеских городов Волыни С. В. Шеломенцев-Терский рассматривает прежде всего как следствие княжеской политики (Терський 2010b: 214), что и создало условия для диалога разных культур на протяжении многих столетий в этом регионе.

После рассмотрения в пособии «Археологія України» общих проблем развития археологии эпохи Киевской Руси и существования княжеств на территории, входящей в состав украинских этнических земель, С. В. Шеломенцев-Терский две главы (6 и 7) посвятил специально проблеме формирования археологии городов Среднего Поднепровья и Галицко-Волынского государства. В главе «Археология летописных городов Среднего Поднепровья» рассматривается история и современное состояние изучения летописных городов Киевской, Чернигово-Северской и Переяславской земель (Терський 2017: 126-144). Подчеркнуто отличие механизма формирования городов Среднего Поднепровья (в первую очередь Киевской земли) от городов Прикарпатья и Волыни: в первом случае города возникали преимущественно на незаселенных ранее территориях и создавались сознательно, с конкретным функциональным назначением; в отличие от них, во втором случае города создавались нередко на старой поселенческой догосударственного (племенного) периода истории (Терський 2017: 126). При характеристике городов Киевской земли уделено внимание археологическому исследованию Киева, Вышгорода, Белгорода, Василева, Юрьева, а также связанных с ними городов Древлянской земли (Вручий, Звягель), поднепровских городов-крепостей (Иван, Чучин, Заруб, Канев, Княжеская гора, Родень); Чернигово-Северской земли (Чернигов, Новгород-Северский,

Любеч, Путивль); Переяславской земли (Переяславль, Городец, Воишь, Донец). Пред читателем постепенно открывается картина быта, формирования системы защиты от нападений извне, ремесленной и экономической, социальной и духовной жизни жителей этих городов, а также территориально-пространственного и структурного развития рассматриваемых объектов археологического изучения.

Археология дала возможность установить, что Среднее Поднепровье (Киевская земля) понесло наибольшие потери (материальные и человеческие) от нападений монголов и других кочевников во время похода хана Батыея в период 1239-1242 гг. (это хорошо фиксируется практически на каждом городище и селении, на которых проводились исследования).

В разделе пособия, посвященном археологии городов Галицко-Волинского государства (Терський 2017: 145-192), охвачены вниманием автора проблемы территориального развития Галицкого и Волинского княжеств, а также развития городов Галицкой, Звенигородской, Перемышльской, Требовльской, Владимирской, Луцкой, Белзкой, Берестейской (включая Полесье) земель, а также городов, размещенных на запад от р. Западный Буг. Автор небезосновательно отметил, что на фоне известий письменных источников, акцентирующих на политических событиях в регионе и лишь эпизодически извещающие о других сферах жизни его жителей, только археологические исследования позволили «полноценно высветлить разные стороны государственного устройства, структуры заселения, топографии средневековых городов с их духовной и материальной культурами» (Терський 2017: 145). На протяжении почти двух столетий исследований получен огромный комплекс археологических источников, который нашел систематическое отображение в рецензируемом пособии.

Специально проблеме формирования археологии и исторического краеведения Волыни посвящена соответствующая монографическая работа ученого. В ней, в частности, исследуются вопросы становления археологии, изучающей средневековые Волыни, в XV – начале XXI вв. в

контексте культурных и социально-политических процессов в Украине в прошлом и в современную эпоху, что существенно влияло на характер понимания общественной элитой прошлого своего края, его значения в становлении национального и гражданского сознания и самосознания населения, а тем самым возбуждало естественный вопрос о его научном изучении. Автор, используя огромную источниковедческую базу, воссоздает более-менее целостную картину институализации и развития средневековой археологии Волыни на протяжении нескольких веков. Но только с 1970-х гг., подчеркивает исследователь, археологическое изучение средневековых городов Волыни приобрело систематический характер и связано это с возникновением отдельного раздела археологической науки – городской археологии (Терський 2010а: 106-117).

Много сделала для раскрытия тайн средневековой Волыни Волынская археологическая экспедиция Львовского исторического музея, руководителем которой был С. В. Шеломенцев-Терский. Систематические исследования проводились ею во Владимире, Луцке, Пересопнице, работами разведочного характера охвачено было большинство летописных городов и городищ Волынского Ополя (Терський 2010а: 139-143). В работе также отражены основные результаты научного изучения Волыни другими коллективами ученых и краеведов, и прежде всего экспедиции Каменец-Подольского пединститута (рук. – И. С. Винокур) (Терський 2010а: 141-143). Неудовлетворительное состояние финансирования музеев и институций по охране памятников истории нанесло разрушающий удар, как справедливо отметил исследователь, по профессионально-кадровому их обеспечению в период независимости Украинского государства и как следствие падения уровня и качества изучения средневековых археологических памятников Волыни (Терський 2010а: 143).

Конкретизацию этот вопрос получил в других монографических работах автора, посвящённых вопросам исторического и археологического исследования крупных

политических и культурных центров Волыни эпохи средневековья: Луцка, Владимира, Пересопницы (Терський 2006: 11-17; Терський 2010b: 13-31; Терський 2003: 6-14). Изучая историю археологического изучения Луцка, ученый пришел к выводу об отсутствии систематических и планомерных археологических исследований этого города вплоть к концу 80-х гг. XX в., когда впервые «научно-исследовательский отдел Луцкого историко-культурного заповедника организовал комплексные исследования древностей Луческа», и в сотрудничестве со Львовским историческим музеем была образована совместная археологическая экспедиция в составе 3 отрядов: «Неолитического» (рук. – Г. Охрименко), «Славянского» или «Раннесредневекового» (рук. – С. Терський), «Позднесредневекового» (рук. – Б. Сайчук) (Терський 2006: 15-16). Работу археологов усложнял факт отсутствия целостной картины исторической топографии и хронологии развития города, полноты археологического обследования территории древнего города, которую предполагалось изучать в рамках работы созданной экспедиции. Поэтому одной из первых ее задач в конце 80-90-х гг. XX вв. и было восполнение этого пробела в историко-археологическом изучении Луцка, при значительном непосредственном вкладе автора монографии. Результатом этой кропотливой работы нескольких поколений археологов и музейных работников было существенное расширение источниковедческой базы изучения истории древнего города, и главное – более-менее целостное представление о формировании его территории. Сегодня летописный Луцк в пятерке наиболее хорошо разработанных в археологическом отношении городов Волынского княжества (Терський 2006: 16). Но главной угрозой для сохранения памятников прошлого остается легальное и нелегальное интенсивное строительство в городе, что есть такой же негативной тенденцией и для других городов Западной Украины, где находятся многочисленные материальные источники средневековой истории, которые

могут безвозвратно погибнуть и быть утрачены для науки и культуры.

Историческое и археологическое изучение Владимира инициировалось в XIX – начале XX в. прежде всего с политическими целями: обосновать историческое право на принадлежность земель Волыни Российской империи в противовес притязаниям на этот регион участникам польского национально-освободительного движения, но объективно содействовало всестороннему научному исследованию памятников прошлого города и Волыни в целом, было основанием для планирования реконструкции ряда культовых объектов города (Терський 2010b: 16-22). Усилиями А. Цынкаловского (1898-1983) и других краеведов в 2030х гг. XX . существенно расширены представления ученых о развитии средневекового Владимира, что послужило основанием для дальнейшего археологического и историко-архитектурного изучения его исследователями из Ленинграда и Москвы (Терський 2010b: 25-28). В работе отображены, как и в случае с Луцком, результаты работы Волынской археологической экспедиции Львовского исторического музея, но они не получили серьезной организационной и материальной поддержки со стороны местных и центральных властей Украины.

Автор подчеркивает непрофессиональное отношение (исследования с помощью экскаватора) со стороны археологической экспедиции Института археологии НАН Украины в 2004-2008 гг. к проведению спасательных археологических работ. «Несомненной целью подобных «исследований» есть дискредитация археологии как науки и попытка убедить общество в правоте дискуссионного тезиса об отсутствии в культурных напластованиях «ценностей» – с точки зрения профанов. Другим результатом подобной деятельности, поддерживаемой соответствующими управленцами на местах, есть безвозвратная утрата важных свидетельств об истории и культуре украинского народа» (Терський 2010b: 30). Автор исследования отметил еще одну негативную тенденцию: нередко современные архитекторы,

работая над воссозданием топографии древних оборонительных сооружений и проблемами развития планировочной структуры Владимира, также непрофессионально относятся к данным новейших археологических исследований. Не отступают в этом отношении и археологи, особенно при создании монографических работ, не вводя археологические источники в контекст материальной, социально-экономической и политической истории города Владимира, ограничиваясь техническими и технологическими вопросами археологических источников и топографии (Терський 2010b: 30). Рассматриваемые работы С. В. Шеломенцева-Терского как раз и восполняют подобный пробел, воссоздавая целостную картину развития территории городов, их укреплений, культовых сооружений, разных сторон социальной, духовной, экономической жизни населения, развития ремесел и военного искусства в них.

С. В. Шеломенцев-Терский в своей работе «Пересопница» знакомит читателя с основными этапами археологического изучения этого древнерусского города, в том числе результатами экспедиций Е. Мельник, Ф. Штейнгеля, А. Цынкаловского. Исследователь отметил значительные потери археологических артефактов и сопровождающей их документации, в частности относительно результатов археологических изысканий курганных могильников в окрестностях города. Это существенно понизило значение полученных данных разными поколениями археологов XIX – середины XX в. (Терський 2003: 7-11). Фактически заново приходилось исследовать археологические памятники Пересопницы, устанавливать хронологию и создавать планы городищ в окрестностях Пересопницы археологической экспедиции под руководством ленинградского ученого П. А. Раппопорта. Как отмечает автор, «следствием этих работ было занесение детинца города в перечень наиболее важных археологических памятников Украины (1966)» (Терський 2003: 11).

С 1974 г. Пересопницу и ее окрестности исследует комплексная экспедиция под руководством В. Шеломенцева-Терского и С. Шеломенцева-Терского, результаты работы которой позволили реконструировать в основных чертах топографию древнего города и воссоздать много сторон материальной культуры его населения. И все это реализовывалось усилиями археологов в условиях скудного финансирования работы экспедиции (Терський 2003: 12-14). Исследователь подчеркивает, как и в ситуации с другими памятниками Волыни, уничтожение слабо изученного средневекового города в результате почти полувековой застройки территории памятника республиканского значения с попустительством местных властей (Терський 2003: 12).

С. В. Шеломенцев-Терский в пособии «Археологія України (середньовічна доба)» подчеркнул неразрывную связь между процессами формирования сети водных и сухопутных путей сообщения и возникновения, а также дальнейшего развития городов как ремесленно-торговых, административных и военно-стратегических центров. В каждой из земель образовалась собственная система путей сообщения, органически связанная с важными международными магистралями из Азии в Европу (Терський 2017: 146).

В параграфе «Територіальне розвиття Галицького и Волинського князств» (Терський 2017: 146-149) читатель узнает о структуре важных водных и сухопутных путей, динамике их изменения, закономерностях и особенностях формирования городов, их территориальной и временной (соответствующие этапы) модели развития и возникновения системы оборонительных укреплений, характере служебных поселений и княжеских замков.

Характеристика княжеских центров и менее важных поселений (Терський 2017: 149-191) проведена автором по схеме: 1) историческая роль; 2) история исследований; 3) планировка системы укреплений; 4) стратиграфия; 5) территориальное развитие. Для характеристики отдельных земель соответственно города: 1) в Галицкой земле (Галич и

его окрестности, Ленковецкое городище, Онут, Хотин); 2) в Звенигородской земле (Звенигород, Плеснеск, Львов); 3) в Перемышльській землі (Перемышль, Сянок); 4) в Требовльській землі (Требовль, Василев) и зависимой от ней территории Понизья в районе Левобережья р. Збруч и среднего Днестра (Бакота, Ушица); 5) во Владимирской земле (Владимир и его окрестности, Всеволож, Турійск, Угровск, Любомль, Камень-Каширський, Любязь, Ратен, Мельниця, Рай); 6) в Луцкой земле (Луцк и его окрестности, Шеполь, Муравица, Дубно, Кременец, Данилов, Перемиль, Чарторыйск, Чернеч-городок; *города Погорынья*: Пересопница, Клевань, Дорогобуж, Шумск, Острог, Чемерин, Зареческ, Мыльск, Корческ, Сапогинь; *города Юго-Восточного Погорынья*: Выгошев, Тихомль, Гнойница, Изяслав, Каменец, Полонное; *Болоховская земля*: Деревич, Меджибож); 7) в Белзкой земле (Белз, Буск); 8) в Берестейщине и Полесье (Берестье, Каменец на р. Лесной, Степань, Дубровица); 9) в Забужье (Червен, Волянь, Холм). Во многих случаях автор использовал результаты собственных многолетних археологических исследований, особенно это относится к ряду городов и поселений Волини (Чемерин, Владимир, Луцк, Пересопница). Поэтому раздел, посвященный городам Галицко-Волинского государства справедливо можно считать одной из лучших и наиболее целостных частей пособия, где отображены и систематизированы достижения многих поколений археологов и краеведов, с которыми имеют теперь возможность познакомиться как ученые, так и студенты, все, кто изучает историю своего края. К разделу придан список фундаментальных работ, посвященных археологическому изучению городов Галицко-Волинского государства, напечатанных за последние три десятилетия.

Специально вопросы топографии и стратиграфии крупных древнерусских городов Волини: Луцка, Владимира, Пересопницы рассматриваются также в посвященных их археологическому и историческому изучению монографических работах С. В. Шеломенцева-Терского

(Терський 2006: 32-114; Терський 2010b: 59-117; Терський 2003: 27-35, 40-42). Читатель может узнать из них о формировании неотъемлемых частей средневекового древнерусского города: детинца, окольного города, центра города, предместий, инфраструктуры пригородных поселений, природных и географических условий их возникновения и развития. Соответствующие разделы этих работ оснащены схемами и планами, графическими реконструкциями, фотографиями, рисунками, акварелями, созданных усилиями автора и других исследователей, а также художников и краеведов, которые дают наглядное представление о территориальном развитии городов в целом, а также динамике развития их отдельных частей. Все это – необходимые составные для понимания роли города в становлении соответствующей социальной, военно-оборонительной и культурной среды жизни населения в эпоху средневековья и раннего нового времени.

Органическим дополнением к предыдущим разделам работы «Археологія України (середньовічна доба)», посвященным археологии Киевской Руси и княжеств, образовавшихся после ее распада, выступает раздел «Северное Причерноморье в XI-XV вв.» (Терський 2017: 193-221), в котором анализируются история и современное состояние археологических исследований памятников этого региона, тесно связанного многими узлами с территорией Киевской Руси. Автор рассматривает в этом разделе проблемы археологического изучения памятников, созданных кочевниками в XI – середине XIII вв., золотоордынских городов, исторической географии Западного улуса Золотой Орды, культуры золотоордынских городов, истории и культуры византийских и итальянских колоний. Археологическая наука дала возможность опровергнуть многие стереотипные представления о кочевниках (печенегах, торках, черных клобуках, половцах), их роли в истории региона в рассматриваемый период, подтверждает весомую роль кочевников в жизни приграничных районов Киевского государства (конец IX – середина XII вв.) и княжеств – ее

преемников (середина XII – первая половина XIII вв.). Так, например, в XI-XIII вв., как отмечено в работе, захоронения кочевников превращаются в характерную черту для городских центров Южной Руси, что согласно с летописными известиями об активной роли черных клобуков и торков в военно-политических акциях русских князей и их дружин, их поселения в приграничных районах Киевской, Черниговской, Переяславской земель, распространения христианства и этнообразующих процессах в их среде (Терський 2017: 194-195). Много интересной информации читатель также узнает из рецензированного труда о результатах археологических исследований материальной и духовной культуры половцев (кипчаков, куманов), их разноплановых и сложных по своей структуре отношениях с русскими княжествами (Терський 2017: 196-200).

Археология изменила и традиционные, зачастую негативного характера, представления о природе и роли улуса старшего сына Чингисхана – хана Джучи – так называемой Золотой Орды, показав ее как активного посредника в торговых и культурных связях азиатского Востока и Европы, их существенном укреплении и преодолении барьера между ними благодаря этому политическому и культурному образованию. Сама Золотая Орда, как подчеркнул автор, была многонациональным государством, где совмещались разные культуры и религии, она «усвоила передовые приемы организации управления, градостроения, прикладного искусства и тому подобное» (Терський 2017: 200). В Украине, за исключением некоторых памятников в Крыму (например, город Солхат), золотоордынские города и торговые станции еще плохо изучены в археологическом отношении. Поэтому автор уделил значительное внимание их исторической географии, показав основные тенденции и направления территориального расширения, возрастания культурно-политического и социально-экономического влияния золотоордынских городов в регионе, миграционных процессов среди населения, причины упадка и прекращения функционирования многих городов и торговых станций,

состояния их археологического изучения (Терський 2017: 201-206). После упадка золотоордынских городов Приднестровья (Старый Орхей, Костешть) по воле правителя-узурпатора власти в Золотой Орде Мамай в 60-70-х гг. XIV в., какая-то часть их жителей (вопреки воле Мамая) перебралась, как показывают современные археологические исследования (в том числе автора рассматриваемых работ), во Львов, Владимир, Луцк, в города Галицкого княжества и Волыни, принеся с собой высокие достижения ремесла, торговли и организации быта.

Археологические исследования позволили раскрыть ряд страниц истории формирования культуры золотоордынских городов Северного Причерноморья. С. В. Шеломенцев-Терский в также затронул этот вопрос (Терський 2017: 207-210). Рассматриваются некоторые аспекты формирования монументальной архитектуры (мечети, мавзолеи, бани, дворцы), а также хозяйственно-жилищные комплексы ремесленников. Становление культурной жизни населения золотоордынских городов анализируется в неразрывной связи с их торгово-ремесленной жизнью, охватывающей значительные просторы Европы и Азии, многонациональным и поликультурным составом населения. Немало места уделено артефактам, извлеченным из захоронений (христианских и кочевнических), открытых при исследовании кладбищ в окрестностях золотоордынских городов на территории от нижнего Подунавья до нижнего Поднепровья. Представлены в работе образцы золотоордынской металлопластики XIV в., а также воинского снаряжения из захоронений кладбища в Каирках в Херсонской области, где находятся могилы дружинников монголоидного антропологического типа.

Связанными хозяйственными, политическими и культурными узами с золотоордынскими городами и торговыми станциями были итальянские колонии Северного Причерноморья в XIII-XV вв., чему автор уделил внимание в своей работе (Терський 2017: 211-218). Например, детально рассмотрен археологический материал из Белгорода на Днестре (известного как город Акджа Керман),

характеризующий экономическую и культурную жизнь его населения, связи с окружающими регионами Среднего и Верхнего Приднестровья и Нижнего Подунавья, Крыма, а также Болгарией, Византией, Волынью. В пособии представлены факты драматической истории городов Нижнего Поднепровья, прежде всего Олешья, на которую существенно влияло соотношение военно-политических сил Литовско-Русского государства, Молдавии, Генуи, Золотой Орды, а позже – во второй половине XV в., Крымского ханства и быстро усиливающейся Османской империи. Рассмотрены, в свою очередь, многие аспекты жизни городов и селений Крыма (Херсонеса, Судака, Кафы, селений сельского типа на южном побережье Крыма, пещерных городов Ески-Кермена, Тепе-Кермена, Баклы, княжества Феодоро в лесистой части гор Крыма), где значительным было влияние Византии и Генуи, а с конца XV в. они были включены в состав Крымского ханства и Османского государства (Терський 2017: 214-218). При написании раздела автор широко использовал данные не только археологии, доставляющей основной массив новых источников информации, но и исторической географии, письменных источников, нумизматики, что существенно усиливает достоверность и аргументированность его заключений, создает целостное историческое полотно социально-экономического и культурного развития региона Северного Причерноморья на протяжении нескольких столетий.

Элементы средневековой материальной культуры и организации общества и государства еще несколько столетий оставались влиятельными на землях, входящих ныне в состав Украины. Поэтому С. В. Шеломенцев-Терский в отдельном разделе пособия рассматривает вопросы их археологического исследования в период позднего средневековья и раннего нового времени (Терський 2017: 222-250). Анализируются особенности изучения археологией поселенческих структур (оборонительное, культовое, ремесленное и жилищно-хозяйственное строительство в городах, материальной и духовной культуры их населения), замчищ. Не обошел

вниманием автор и проблем археологии т.н. «периода казачества». Подчеркнуто значительную роль экстренных спасательных археологических исследований 70-х гг. XX в. – первых десятилетий XXI в. в раскрытии многих моментов материальной и духовной жизни населения городов и замков в XV–XVIII вв. Новым направлением стало изучение украинско-турецких связей в Северном Причерноморье в рассматриваемый период. В работе приведены многие детали реконструкции оборонительного, культового и жилищно-хозяйственного строительства во Львове, Каменце-Подольском, Луцке, Дубно, других пунктов Галичины, Волыни и Подолья, подчеркнута их взаимосвязь в решении главных функциональных задач позднесредневекового города (оборонительной, социально-экономической, духовной), прослежена их эволюция от типов, свойственных древнерусскому периоду, к новым образцам, возникших под влиянием европейских и восточных культурных и технологических влияний.

Например, аргументированно показано роль храмов, синагог и монастырей в формировании новой оборонительной системы городов. Специфика грунтов позволила сохранить до нашего времени многие артефакты органического происхождения (движимые и недвижимые из дерева, кожи, тканей), открытых археологами в последние 30–40 лет. В ряде городов, например, Львове, Луцке открыты археологическими исследованиями средневековые улицы и целые кварталы, о которых и идет собственно речь в пособии. Как и в предыдущих разделах, широко использованы материалы, полученные в результате собственных исследований автора.

К сожалению, незначительное внимание уделено в этом вопросе состоянию археологического исследования других городов и памятников Центральной и Левобережной Украины, что не дает целостной картины для читателя об интересующих его проблемах.

Археология много привнесла в изучение техники и технологии, структуры изделий ремесел в позднесредневековый период в украинских городах и их

близлежащих округах. В пособии много информации о результатах новых исследований во Львове, Луцке, Владимире, Уневской Свято-Успенской Лавры и других объектах. Органическим дополнением служит характеристика состояния археологического исследования торговли и ее инфраструктуры (торговых пломб, транспорта, денежного обращения) в городах Украины, свидетельствующие о значительном их территориальном и структурном расширении, усилении европейского вектора связей (с немецкими землями, Англией, Францией) (Терський 2017: 231-233).

В параграфе «Материальная и духовная культура XV-XVIII вв. за данными археологии» (Терський 2017: 234-238) автор характеризует направления открытий археологии, позволяющих восстановить во многих аспектах быт, предметы обихода, одежду, обувь, сумки, игрушки, шахматы, музыкальные инструменты, используемые жителями городов в этот период. Исследования городских кладбищ позволили, как отмечает автор, «установить состояние здоровья, антропологическое происхождение и материальную культуру жителей», а также особенности обрядов захоронений городского населения разных регионов Украины (Терський 2017: 238). В противовес значительным успехам в исследовании городов, археология намного хуже изучила состояние материальной и духовной культуры сельских жителей этого периода.

Период XV-XVII вв. отличается строительством замков-крепостей в значительных масштабах как для защиты городов, так и отдельных феодальных владений. Это было связано как с существенно возросшей опасностью со стороны Крымского ханства и Османской империи, так и постоянными магнатско-шляхетскими междоусобными войнами. Этому и посвящен отдельный параграф пособия «Археология замчищ» (Терський 2017: 239-243). Автор дает характеристику наиболее важных из них: Верхнего и Нижнего замков в Луцке, в Каменце-Подольском, возле Меджибожа на р. Южный Буг. Отображены существенные черты технологии строительства и

функционального назначения разных типов замков, динамика их распространения. Например, читатель может узнать о формировании шляхетских замков стогообразного типа, деревянно-земляных бастионных замков. Подчеркнуто, что реконструкции замков на территории Украины в прошлом не сопровождались системными археологическими исследованиями, что нередко вело к безвозвратной утрате многих артефактов, могущих раскрыть историю формирования этих сооружений.

Значительную роль в истории Украины сыграло казачество, оставившее после себя огромный пласт материальных памятников. В первую очередь, речь идет об изучении замков и укреплений так называемых Сечей. Анализ состояния их изучения усложняется существенно тем, что они в большинстве затоплены в советские времена во время строительства водохранилищ и гидроэлектростанций. Поэтому существенно возрастает значение специфической разновидности археологической науки – подводной. Археология, как подчеркнул автор работы, уделяет внимание не только Сечам, но и приграничным казацким службам (паланкам), укрепленным объектам (редутам и фигурам) на границе с татарскими владениями, городкам, охраняющим важные переходы через реки (городок Самарь). Важной составляющей поисков казацкой археологии являются также: 1) изучение мест известных битв рассматриваемого периода: возле Берестечка, Зборова. Полтавы, Чуднова, Лубен; 2) изучение гетманских резиденций и полковых городов Гетманской Украины. Именно в период обретения Украиной независимости эти направления получили значительное развитие и систематичность. Упомянутые проблемы и аспекты казацкой археологии получили адекватное состоянию изучения отображение в последнем параграфе раздела (Терський 2017: 243-250).

Таким образом, рассматриваемые нами в статье работы профессора Шеломенцева-Терского С.В. есть результат его многолетних эмпирических и теоретических изысканий в области археологии, музееведения, средневековой истории

Украины и позволяют воссоздать многие стороны материальной и духовной жизни жителей городов Украины эпох средневековья и раннего модерна, рассматривая их в взаимосвязи как органические составные целостной системы.

Автор: Копытко Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, Львовский национальный аграрный университет (ул. Владимира Великого, 1, г. Дубляны, Львовская область, 80381, Украина). rectorat@lnau.lviv.ua

Литература, использованная в статье

Терский 2003 – Терський С.В. Пересопниця. Краєзнавчий нарис. Рівне: Азалія, 2003. 160 с.

Терский 2006 – Терський С.В. Лучеськ Х-ХV ст. Львів: Видавництво Національного університету «Львівська Політехніка», 2006. 252 с.

Терский 2010a – Терський С. Історія археологічних досліджень та історичного краєзнавства Волині. Львів: Видавництво Національного університету «Львівська Політехніка», 2010. 380 с.

Терский 2010b – Терський С.В. Княже місто Володимир. Львів: Видавництво Національного університету «Львівська Політехніка», 2010. 320 с.

Терский 2014 – Терський С. Археологія доби Галицько-Волинської держави. К.: Стародавній світ, 2014. 172 с.

Терский 2017 – Терський С. Археологія України (середньовічна доба). Львів: Видавництво Львівської Політехніки, 2017. 256 с.

Information about the article

Author: Kopytko Andrey Dmitrievich – Ph.D. in History, Lviv National Agrarian University (1, Volodymyra Velykogo st., Dubliany, Lviv region, 80381, Ukraine). rectorat@lnau.lviv.ua

Title: Archaeological study of the Middle Ages of Ukraine in the works of S.V. Tersky: [Review of the books].

Summary: Methodological and methodical aspects of monographs and textbooks of Professor Lviv Polytechnic National University, Doctor of History S.V. Tersky, devoted to the problems of the formation and modern development of archaeological science in Ukraine, which studies the domestic Middle Ages, are discussed in the review article. Analyzed in particular key points of the author's vision of the history of the formation of large ancient Russian cities of Volyn, methodological and methodical issues of their study archaeological and

historical of local lore, which largely served as the basis for creating the textbook "Archeology of Ukraine (medieval era)".

Key words: archeology, archaeological sources, historical study of the region, museology, material culture, Middle Ages, medieval city, Ukraine, educational accessory, Galicia, Volyn region.

References (transliteration):

Tersky S.V. Peresopnytsia. Kraieznavchyi narys [Peresopnitsa. Local history essay]. Rivne: Azalea, 2003. 160 p. (In Ukrainian).

Tersky S.V. Luchesk X-XV st. [Luchesk X-XV centuries]. Lviv: Publishing house of Lviv Polytechnic National University, 2006. 252 p. (In Ukrainian).

Tersky S. Istoriia arkeolohichnykh doslidzhen ta istorychnoho kraieznavstva Volyni [History of archaeological research and historical regional studies of Volyn]. Lviv: Publishing House of Lviv Polytechnic National University, 2010. 380 p. (In Ukrainian).

Tersky S.V. Kniazhe misto Volodymyr [Prince's city Volodymyr]. Lviv: Publishing House of Lviv Polytechnic National University, 2010. 320 p. (In Ukrainian).

Tersky S. Arkheolohiia doby Halytsko-Volynskoi derzhavy [Archeology of the era of the Galician-Volyn state]. Kiev: Starodavnij svit Publ., 2014. 72 p. (In Ukrainian).

Tersky S. Arkheolohiia Ukrainy (serednovichna doba) [Archeology of Ukraine (medieval era)]. Lviv: Lviv Polytechnic Publishing House, 2017. 256 p. (In Ukrainian).

The paper submitted on 26.11.2018

The paper is admitted for publication on 18.06.2019